

КБЗ.З/З.Рос=Серг.1100.1

Т 20

Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России

МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

2005-

*Министерство культуры Московской области
Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник*

Троице-Сергиева лавра
в истории, культуре
и духовной жизни России

МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

26 сентября – 28 сентября 2006 года

Издательство «Ремарко»
Сергиев Посад, 2009 г.

Пожар 17 мая 1746 г. в отражении документов Учреждённого собора Троице-Сергиевой лавры

Среди бедствий, которые в разное время обрушивались на Троице-Сергиеву лавру и Сергиев Посад, пожар 17 мая 1746 г. занимает особое место. Он нанес огромный ущерб монастырю и окружающим слободам, в огне погиб огромный архив Лавры, — невосполнимая потеря для исторической науки.

Несмотря на весь драматизм и всю значимость события, в трудах историков Лавры можно найти лишь краткие упоминания о пожаре, основанные на протоколе заседания Учрежденного собора от 26 мая 1746 г. и на повторяющем его «доношении» Лавры в Синод от 4 июня 1746 г.¹

Между тем, сохранились документы, которые позволяют, пусть и фрагментарно, восстановить события 17 мая 1746 г. Это несколько протоколов Учрежденного собора, коллегиального органа управления Лавры, посвященных расследованиям по челобитным на кражу имущества во время или после пожара. Именно занесенные в протоколы показания потерпевших, подозреваемых и свидетелей позволяют восстановить события 17 мая 1746 г.

Предваряя изложение, отметим, что в 1746 г. посад вокруг Лавры состоял из ремесленных и служных слобод, и сел Клементьево и Кокуево. Большая часть событий, отмеченных в протоколах Собора, касается Служней слободы. Она располагалась восточнее Лавры и была населена приказными служителями (слугами) монастыря.

Пожар произошел в субботу, накануне праздника Св. Троицы. Как обычно, перед большим праздником в окружающие Лавру слободы и село Клементьево съехалось немало гостей. Одни на богомолье, другие решить свои дела. Так, из д. Козловской Переяславского уезда в Служную слободу приехали два брата Леонтьевы. Договорившись с вдовой троицкого слуги Воинова о займе овса, братья собирались отправиться в Лавру для составления заемного письма в одной из приказных канцелярий. В слободах оказались крестьяне

Трофим Тихонов из села Деулино и Прокопий Пименов из деревни Рогачево.

Между тем, жители слобод занимались своими повседневными делами. Захребетник И. Горев копал пруд в Служней слободе, во дворе приказного Афанасия Напольского. Приказной Стефан Стефанов приступил к варке меда в большом котле на соседнем с его домом погосте Введенской церкви. Выбор для варения меда свободного от застройки церковного погоста можно объяснить приказом Собора «о нетоплении маяя с 9 го числа обывателем своих хором и бань»².

Житель Служней слободы приказной Семен Варламов во втором часу отправился в Лавру для исправления должности в кельях наместника. Уходя, он велел истопить баню. Дворовая девка Варламовых Татьяна, исполнив поручение и пообедав, отправилась в Воскресенский приход, в Конюшенную слободку, чтобы пригласить воловикову жену по прозвищу Наседица к своим хозяйкам «для пользования». На обратном пути, проходя воловой двор, Татьяна увидела, как загорелась хозяйская баня, «а потом и все хоромы ево Варламова огнем кругом обнялись»³.

Так, начался большой пожар, в считанные часы испепеливший большую часть окружавших Лавру слобод, нанеший огромный ущерб и самой Троицкой обители (*ил. 1*).

Протоколы Учрежденного собора, позволяют восстановить несколько эпизодов дня 17 мая 1746 г., из которых и складывается общая картина пожара.

Особый интерес представляет протокол от 18 июня 1746 г., посвященный следствию по челобитью канцеляриста И. Нармацкого о пропаже денег⁴. Из показаний лиц причастных к делу вырисовывается один из эпизодов пожара. Не задолго до того, как двор Нармацкого был охвачен пламенем, добровольные помощники выносили на огород образа и пожитки и складывали их в кучу. Когда загорелся двор, хозяин выбежал на огород, а помощники втащили из чулана в белую горницу сундук с медной, оловянной, деревянной посудой и ларчиком столярного мастерства, в котором хранилось 130 рублевых монет. В этот момент жар усилился, и жену хозяина, «чтоб не сгорела», прямо из окна хором высадили в огород. Далее, по версии хозяина, не смотря на его неоднократные просьбы, оставшиеся в горнице выкидывали в огород посуду, но не ларчик с деньгами. Пос-

1. Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Пожар в деревне. 1879 г. Репродукция из альбома

ланный в уже горящий дом дворовый слуга Нармацкого нашел ларчик разбитым, а захребетника Горева ползающим по полу и собирающим деньги за пазуху. Горев убежал, слуга же, собрав оставшиеся 29 рублевиков в ларчик, выбросил их на огород⁵. Получив, наконец, ларчик и оставив жену на огороде, Нармацкий бросился выносить пожитки со двора своего брата приказного Ф. Напольского.

Захребетник Горев, отрицая свое нахождение в доме Нармацкого, рассказал о том, где он был и что делал в течении всего дня. Несмотря на лаконичность, показания Горева можно рассматривать как описание пожара в целом. Итак, по версии Горева, перед пожаром он рыл пруд во дворе у приказного А. Напольского. Когда же начался пожар, побежал в дом к слуге Кривцовскому выводить лошадей, а когда дом Кривцовского загорелся, побежал к дому подьячего П. Туленина и стоял там на кровле для охранения от пожара. Когда же загорелся дом Туленина, он побежал в дом слуги М. Рукина, где «убирал» хозяйские пожитки. Затем, во время вечерни, Горев вернулся к дому канцеляриста П. Осипова, где охранял от пожара сарай.

Показания Горева иллюстрируют, как приказные служители, в слободе которых и начался пожар, пытались охранить дома и имущество от огня, как в большинстве случаев усилия оказывались тщетны, и один за другим хоромы самой богатой слободы посада становились жертвами огненной стихии. Показательно, что из шести дворов, упомянутых Горевым, определенно уцелел лишь двор канцеляриста Осипова и, возможно, дом Рукина.

Уничтожив богатые хоромы Служней слободы, огонь через застроенные лавками Красногорскую площадь и «Подол» перекинулся на Лавру, где, как следует из доношения Лавры в Синод от 4 июня 1746 г., уничтожил «церковь Божия Иоанна Предтечи, что на вратех, со всею церковною утварью, да на церквах же Явления Пресвятыя Богородицы, что над гробом чудотворца Михея, великого чудотворца Сергия; на ограде и башнях, властелинских и брацких кельях кровли и, как около, так и внутри их, деревянное строение; имеющиеся в канцеляриях ... подлинныя указы и вотчинныя многие подлинныя крепости, и ...всякие производимые дела»⁶.

Следующей жертвой огня стало обширное село Клементьево, лежащее южнее, за рекой Кончурой и Келарским прудом. Некоторое представление о том, что творилось в селе дают показания бобыля

П. Кусова и вдовы разночинца Н. Ерофеевой по прозвищу Шинкарка⁷. Кусов обвинил Шинкарку в краже двух сундуков с пожитками. Из показаний означенных лиц открывается, что для спасения от огня многие сельчане сложили пожитки на площади перед Успенской церковью. Но площадь, застроенная торговыми заведениями, не стала препятствием для огня; и, между тем, как обитатели села спасались от пожара в полях за селом, снесенное на площадь имущество обратилось в пепел, включая, вероятно, и сундуки бобыля Кусова. Именно так посчитал Собор, оправдав Шинкарку.

Судя по протоколам Собора, наименьший ущерб пожар причинил слободам и хозяйственным дворам, находившимся к северу и северо-западу от Лавры. Вероятно, этому способствовали направление ветра и обширные пруды Конюшенный и Белый (Верхний). Не случайно именно сюда, на капустный двор, что за конюшенным двором, отнесли из Служней слободы малолетних детей троицкого слуги А. Кондратьева.

Капустный двор находился севернее Лавры, но и в этот район долетали искры и головни. В результате, загорелись дрова и щепы на дровяном дворе⁸ (ил. 2).

Пока одни пытались отстоять дома, собственное и чужое имущество, другие искали случай для поживы. 28 мая 1746 г. Собор допрашивал крестьянина деревни Козловской П. Леонтьева, задержанного в Служней слободе на погорелом дворе слуги Башилова со «стеклянной бутылью вина мерою в ведро». Крестьянин показал, что бутыль получил от незнаемого человека, когда проходил мимо «згорелого двора слуги Н. Каменева», и что нес ее к Рождественской церкви, желая встретить хозяина⁹. Здесь же, в Служней слободе, с четырьмя окороками в руках задержали крестьянина деревни Рогачево П. Пименова. Последний оправдывался тем, что «те окорока взял у незнаемого чьего двора без людей для объявления кто их будет спрашивать»¹⁰. Захребетник С. Федоров был задержан в той же слободе, когда пил вино из фляг, вынесенных со двора канцеляриста И. Осипова. Оловянный стакан Осипова захребетник положил в свой карман, якобы «забвением»¹¹.

По показаниям упомянутого выше захребетника И. Горева, пожар начал стихать после вечерни. Выпив чарку вина, поднесенную канцеляристом П. Осиповым в благодарность за помощь в охране сарая, И. Горев пошел отдыхать в дом подьячего Пятницкого при-

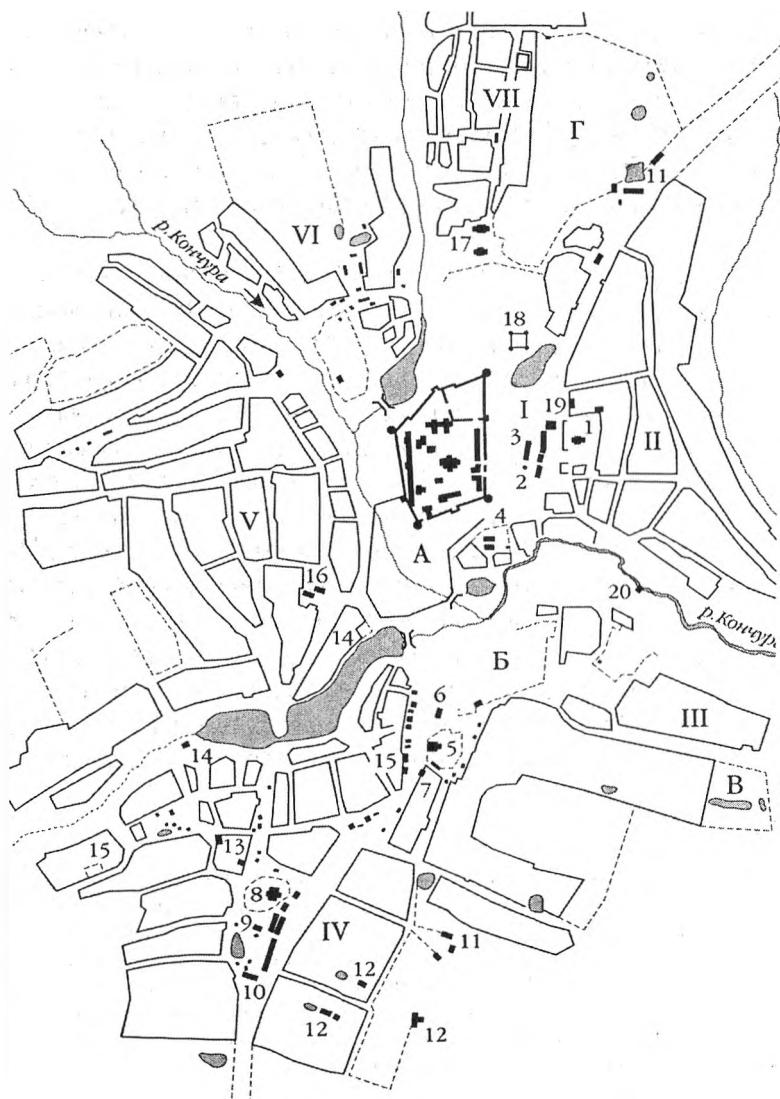
хода, где жил «во дворничестве», но был наряжен пятидесятским «для сторожи того приходу к церквам». В карауле И. Горев находился до утра 18 мая¹².

18 мая произошел один из наиболее красноречивых и характерных эпизодов пожара¹³. Утром, когда вокруг еще дымились пепелища, на погосте Введенской церкви вокруг котла с двумя пудами разведенного вареного меда собрался народ. Этот мед, как уже упоминалось, житель Служней слободы приказной С. Стефанов взялся варить незадолго до пожара и, надо полагать, забыл про него, бросившись спасать от огня дом и пожитки. Дом Стефанова сгорел, а оставленный мед, по свидетельству очевидца, «многие люди» черпали из котла «жестяными согнутыми листами и шляпами, и рукавицами», кувшинами и ковшами. В руки правосудия попались лишь некоторые из тех, которые принесли мед домой: дворница Д. Петрова вычерпала меда с полведра; девка А. Дмитриева с четверть; женка И. Козмина, девки Т. Федорова и М. Сергеева, а так же малолетний захребетников сын Т. Моисеев — по восьмой доле. Через месяц все они предстали перед Собором Лавры.

Занимаясь расследованием преступлений, совершенных во время и на другой день после пожара, Собор не забыл найти причины и виновника несчастья. Указ «исследовать накрепко», отчего именно случился пожар, последовал 26 мая 1746 г.¹⁴ Итоги следствия были подведены на заседании Собора 23 августа 1746 г. и занесены в особый протокол¹⁵. Из этого протокола и стало известно, что по приказу С. Варламова его дворовая затопила баню, из-за чего и случился пожар.

Несмотря на то, что баня была затоплена вопреки объявленному за неделю до того указу Учрежденного собора «о нетоплении хором и бань...», Собор нашел, что пожар случился «без умышления, а по неведомой воле Всевышнего» и признал невиновность Варламовых и их дворовой¹⁶.

Протокол от 23 августа завершается кратким описанием последствий пожара. Отрывок интересен, в том числе, передачей эмоций, переполнявших очевидцев события, но не выраженных в других документах: «От нея [бани] сколко бедства и разорения учинилось, что как в слободах умножившейся сильной пожар Лавру Святую обнажил всех прежних ея красот и причинил поновлением превеликие убытки ..., обывателских же разных чинов людей, кроме тор-

2. План Сергиевского Посада 1783 г. Рисунок К.А. Филимонова

I. Красногорская площадь перед Троице-Сергиевой лаврой

II. Служная слобода, в которой 17 мая 1746 г. начался пожар; Пятницкая и Введенская

церкви на «Подоле» (4)

IV. Село Клементьево с Успенской церковью (8)

VI. Конюшенная слобода Воскресенского прихода

Г. Лаврские огороды и хозяйственные дворы, включая дровяной, на котором загорелись дрова и щепы

говых лавок, пятьсот два двора, между коими по здешнему месту и знатные дома в пепел обратил и в такое крайнее разорительное несостояние привел, что иные и никогда справитца не могут, ибо от непостижимой пожарной скорости многие не токмо пожитков своих вынести, но и едва живот свой спасти могли, а четыре человека, в том числе и мать ево слуги Варламова Устинья Алексева, тогда и згорели»¹⁷.

В заключение отметим, что 4 человека, погибшие на пожаре, не стали его единственными жертвами. По подозрению в поджигательстве и обвинению в воровстве было задержано более 20 человек. Все они попадали под суровые законы своего времени, которые делили таких людей на две группы. Обвиненные в кражах или укрывательстве краденого на следующий день после пожара, подлежали «нещадному» наказанию плетьюми. Приговоры выносил Учрежденный собор, а исполняли их перед Успенскими воротами Лавры. Таким образом, в июне-августе 1746 г. наказали не менее 11 человек. Лица, обвиненные в краже в день пожара, отсылались в Сыскной приказ г. Москвы для розыска. В случае подтверждения обвинения их ожидала смертная казнь. Всего в Сыскной приказ по распоряжению Учрежденного собора было отослано не менее 9 человек, среди них оказался и захребетник И. Горев, чьи шансы потерять голову, судя по результатам следствия проведенного в Лавре, были высоки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С.115.; *Балдин В.И.* Загорск. Архитектурно-художественные памятники. 1984. С.57-58.; *Трофимов И.В.* Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. М., 1961. С.59.

И.В. Трофимов ограничился указанием убытков от пожара. При этом в его публикации из-за опечатки указаны 52 вместо 502 жилых дворов уничтоженных пожаром.

2. РГБ. Ф.303. Д.685. Протокол №110. от 23 августа 1746 г. Л.387. В Троицких слободах XVIII в. «захребетниками» называли людей, не имевших собственного жилья.

3. Там же. Л.387-391об.

4. Там же. Протокол №64 от 18 июня 1746 г. Л.193-203об.

5. Отметим, что по показаниям всех свидетелей именно Горев бежал, «не явьясь никому», со двора Нармацкого.

6. РГИАМ. Ф.796. Оп.27. Д.171 (1746). Л.1-1об.

7. РГБ. Ф.303. Д.685. Протокол №108 от 22 Августа 1746 г. Л.373-382.

8. См. показания воловика П. Фомина. Там же. Протокол №100 от 5 Августа 1746 г. Л.335-340.

9. Там же. Протокол №41 от 28 Мая 1746 г. Л.123-124об.

10. Там же. Протокол №63 от 18 июня 1746 г. Л.189-191об.

11. Там же.

12. Там же. Протокол №64 от 18 июня 1746 г. Л.193-203об.

13. Там же. Протокол №69 от 23 июня 1746 г. Л.221-222об.
14. Там же. Протокол №37 от 26 мая 1746 г. Л.113-114.
15. Там же. Протокол №110 от 23 августа 1746 г. Л.387-391 об.
16. Показание дворовой Варламовых Татьяны Михайловой о неисправности каменки в бане не было принято Собором во внимание. См.: Там же. Протокол №110 от 23 августа 1746 г. Л.387.
17. Там же. Л.391 об.